

Глава I

Я твердо убежден, что писатель может создавать художественные образы, лишь досконально изучив род людской. Точно так же нужно основательно изучить язык, чтобы свободно говорить на нем. Я еще не достиг того возраста, когда прибегают к вымыслу, поэтому ограничусь пересказом.

Итак, я призываю читателя поверить в подлинность этой истории, все действующие лица которой, кроме ее героини, еще живут и здравствуют.

Впрочем, в Париже отыщутся свидетели большинства описываемых мною событий, достоверность которых они могли бы подтвердить, если моего свидетельства покажется недостаточно. По стечению обстоятельств я один могу изложить эту историю, поскольку единственный оказался посвящен в мельчайшие подробности, без которых мой рассказ не был бы интересным и полным.

Вот каким образом эти подробности стали мне известны. 12 марта 1847 года я увидел на улице Лаффит огромное объявление на желтой бумаге, извещавшее о распродаже мебели и разных дорогих диковинок. Распродажа была назначена ввиду

кончины владельца. В объявлении его имя не называлось, но аукцион должен был проходить 16 марта с полудня до пяти часов вечера в доме 9 по улице д'Антэн.

Кроме того, в объявлении указывалось, что 13-го и 14-го можно посетить квартиру и осмотреть мебель.

Мне всегда было свойственно любопытство. Я дал себе слово воспользоваться такой возможностью, ведь даже если ничего не куплю, то хотя бы смогу посмотреть.

На следующий день я направился на улицу д'Антэн в дом под номером 9.

Было еще рано, но в квартире уже собрались посетители и даже посетительницы: они были разодеты в бархат и закутаны в кашемировые шали, у дверей их поджидали элегантные кареты, однако это не мешало им с удивлением и даже с восхищением взирать на роскошь, представшую их взорам.

Позднее я понял причину этого удивления и восхищения, поскольку, приступив к осмотру, тотчас догадался, что нахожусь в квартире содержанки. Впрочем, если и есть что-то, что вызывает интерес светских дам — а они здесь были, — это то, как живут женщины, чьи экипажи, проносясь мимо, ежедневно забрызгивают грязью их собственные кареты, женщины, которые сидят в соседних с ними ложах в Опере и у Итальянцев¹,

¹ Театр итальянской комедии (La Comédie-Italienne) — театр в Париже, где выступали труппы итальянских драматических и оперных актеров. (Здесь и далее примеч. перев.)

а в Париже выставляют напоказ свою красоту, драгоценности и скандальную подноготную своей жизни.

Женщина, в доме которой я находился, умерла, и даже самые добродетельные посетительницы могли теперь заглянуть в ее спальню. Смерть очистила атмосферу этого дивного приюта порока, впрочем, в качестве оправдания, если таковое потребуется, эти дамы могли бы сказать, что пришли на распродажу и понятия не имеют, кому принадлежит этот дом. Они прочли объявление, захотели взглянуть на содержимое и заранее сделать свой выбор, только и всего; правда, это не мешало им выискивать среди здешней роскоши следы жизни куртизанки, о которой наверняка они слышали столько легенд.

Увы, тайна умерла вместе с богиней, и, несмотря на все свое желание, эти дамы увидели лишь то, что было выставлено на продажу после кончины хозяйки, а вовсе не то, что продавалось при ее жизни. Впрочем, здесь было чем поживиться. Превосходная мебель — розовое дерево и буль¹, вазы севрского и китайского фарфора, саксонские статуэтки, атлас, бархат, кружево — всего не перечесть.

Я рассказывал по квартире следом за любопытными аристократками, явившимися сюда до меня. Вот они зашли в одну из комнат, обтянутую персидской тканью, и только я собрался войти вслед

¹ Буль — мебельный декоративный стиль, названный по имени французского мастера Андре Шарля Буля (1642–1732), заключавшийся в украшении мебели инкрустациями из латуни, золоченой бронзы, пластин из панциря черепахи, рога.

за ними, как они уже потянулись оттуда, смущенно улыбаясь, словно испытывали неловкость за эту вспышку любопытства. Мне же хотелось побыстрее проникнуть в комнату. Это была туалетная, оснащенная разнообразными предметами и устройствами, в обилии которых, казалось, проявлялась расточительность покойной.

На большом, три на шесть футов, столе, стоящем вплотную к стене, сверкали все сокровища Окока и Одио¹. Изумительный подбор, и любой из тысячи предметов, столь необходимых для туалета женщины, подобной той, в чьем доме мы сейчас находились, был выполнен из серебра или золота. Однако сложиться такая коллекция могла лишь постепенно, тут требовалась щедрость не одного-единственного возлюбленного.

Меня вовсе не отпугивала туалетная комната содержанки; забавляясь ее пристальным изучением, я заметил, что на всех этих аксессуарах тончайшей работы красуются разнообразные короны и инициалы.

Разглядывая все эти предметы, каждый из которых воплощал для меня продажность бедной девушки, я подумал, что Господь был к ней милосерден, поскольку, не прибегнув к обычному наказанию, позволил ей умереть в роскоши и красоте, не достигнув старости — этой первой смерти куртизанки.

В самом деле, что может быть печальнее, чем зрелище состарившегося порока, особенно если

¹ *Окок и Одио* — знаменитые парижские ювелиры.

это женщина? В такой старости нет никакого достоинства, и она не внушает ни малейшего интереса. Вечное раскаяние — и отнюдь не из-за того, что пройден дурной путь, а из-за неверного расчета или скверно вложенных денег, — что может быть печальнее? Знал я одну бывшую даму легкого поведения, у которой от прошлого осталась лишь дочь — по словам современников, столь же красивая, как ее мать в молодости. Это было несчастное дитя, которому мать внушала: «ты моя дочь» — только для того, чтобы та содержала ее в старости, как сама она заботилась о ней в детстве. Бедняжку звали Луиза, и, повинаясь матери, она отдавалась бесстрастно, безрадостно, безвольно, как отдавалась бы любому другому ремеслу, которому ее могли бы обучить.

Вечно распутная жизнь, начиная с малолетства, и вечное нездоровье уничтожили в ней понятия добра и зла, которые, возможно, вложил в нее Господь, но никому ведь и в голову не пришло развить их.

Я никогда не забуду эту девушку, которая почти ежедневно в одно и то же время прогуливалась по бульварам. Нередко ее сопровождала мать, притом столь же усердно, как истинная мать может сопровождать дочь. Я в ту пору был совсем молод и восприимчив к нетребовательной морали своего века. Однако помню, что зрелище такого вопиющего надзора наполняло меня презрением и отвращением.

Добавим к вышесказанному, что ни у одной порядочной девушки не было на лице подобного

выражения невинности и меланхолического страдания.

Казалось, пред нами — воплощенная покорность судьбе.

Однажды лицо этой девушки просветлело. Среди разврата, поощряемого ее матерью, грешнице почудилось, что Господь отпустил ей толику счастья. А почему, в конце концов, Господь, не наделивший ее мужеством, должен был оставить ее безутешной под бременем жизненных тягот? Так вот, в один прекрасный день она обнаружила, что беременна, и все целомудренное, что еще в ней оставалось, затрепетало от счастья. Странные пристанища находят душевные порывы. Луиза ринулась сообщить матери эту радостную весть. К стыду своему, должен сказать, что мы повествуем здесь о проявлениях безнравственности не ради собственного удовольствия, а излагаем подлинные факты, о которых, возможно, стоило бы умолчать, если бы время от времени не следовало рассказывать о страданиях существ, которых заведомо обрекают на мученичество, которых презируют, не вдаваясь в рассмотрение причин их падения; стыдно сказать, но мать заявила дочери, что им и так еле-еле хватает на двоих, а на троих уж и подавно не хватит; что такие дети вообще ни к чему, а беременность — лишь потерянное впустую время.

Назавтра акушерка, назовем ее знакомой матери, навестила Луизу, которая потом несколько дней пролежала в постели и, когда поднялась, стала еще бледнее и слабее, чем раньше.

Три месяца спустя какой-то господин сжалился над ней и занялся ее исцелением — моральным и физическим; но нанесенный удар оказался слишком сильным, и Луиза умерла от последствий искусственно вызванного выкидыша.

Мать еще жива. На что живет — одному Богу известно.

Эта история пришла мне на память, пока я разглядывал серебряные несессеры, и, похоже, в этих раздумьях прошло некоторое время, поскольку в квартире остались только я и сторож. Встав в дверях, он внимательно следил за тем, чтобы я ничего не похитил.

Я подошел к этому славному малому, которому внушал такое сильное беспокойство.

— Сударь, — спросил я его, — не могли бы вы назвать мне имя жившего здесь человека?

— Мадемуазель Маргарита Готье.

Я слышал имя этой девушки и несколько раз видел ее.

— Не может быть! — сказал я сторожу. — Маргарита Готье умерла?

— Да, сударь.

— И когда же?

— Недели три назад.

— А для чего разрешили осматривать ее квартиру?

— Кредиторы считают, что от этого только поднимутся цены. Люди заранее смогут увидеть, какие тут красивые драпировки и мебель, и им захочется их купить. Разве не ясно?

— Значит, у нее остались долги?

- Да, сударь. И много!
- Но аукцион их, верно, покроет?
- Да, и с лихвой.
- А кому достанутся излишки?
- Семье.
- Значит, у нее есть семья?
- Похоже на то.
- Спасибо, сударь.

Сторож, убедившись в чистоте моих намерений, поклонился, и я вышел.

«Бедняжка, — думал я, возвращаясь домой, — как же тоскливо, наверное, ей было умирать, ведь в этом мире друзья есть лишь у тех, кто пребывает в добром здравии». И невольно я проникся жалостью к Маргарите Готье.

Вероятно, вас это позабавит, но я совершенно не осуждаю куртизанок и даже не стану вступать в спор по поводу своего снисходительного к ним отношения.

Как-то раз, направляясь в префектуру за паспортом, я увидел на соседней улице, как двое жандармов уводят девушку. Не знаю, что она сделала; все, что могу сказать, — она плакала горячими слезами, целуя ребенка, которому было от силы несколько месяцев: арест обрекал ее на разлуку с ним. С того дня я перестал осуждать женщин, руководствуясь лишь первым впечатлением.

Глава II

Продажа была назначена на 16 марта.

Между осмотром квартиры и аукционом оставался день, за который обойщикам предстояло снять обивку со стен, шторы и тому подобное.

В то время я как раз был в путешествии. Вполне естественно, что мне не сообщили о смерти Маргариты, это не входило в число тех важных новостей, о которых друзья немедленно сообщают прибывшим в столицу. Маргарита была красива, но если роскошная жизнь подобных женщин сопровождается массой слухов, то их смерть проходит почти незаметно. Это напоминает солнце, которое восходит и заходит без всякого сияния. Если куртизанки умирают молодыми, то об их смерти узнают одновременно все их любовники, поскольку в Париже почти все любовники известной куртизанки составляют один тесный круг. Тогда они обмениваются какими-то воспоминаниями о ней, не пролив ни единой слезинки, и их жизнь идет дальше своим чередом.

Ныне у двадцатипятилетних слезы стали таким редким товаром, что их нельзя растрачивать на первую встречную. В лучшем случае оплакивают

родителей, которые уплатили за это вперед, причем все зависит от того, во сколько те себя оценили.

Что касается меня, хотя моя монограмма и не украшала ни один из несессеров Маргариты, моя врожденная снисходительность, эта естественная жалость, в которой я только что сознался, побудили меня размышлять о ее смерти дольше, чем она, вероятно, того заслуживала.

Я вспоминал, что довольно часто встречал Маргариту на Елисейских Полях, где она неизменно появлялась в небольшой синей карете, запряженной двумя великолепными гнедыми, и я отмечал в ней изысканность, столь редко свойственную ей подобным, что еще ярче подчеркивало ее поистине редкую красоту.

Когда эти несчастные создания куда-либо выезжают, то компанию им составляют бог весть откуда взявшиеся спутницы.

Поскольку ни один мужчина не согласится публично афишировать своих ночных подруг, а те терпеть не могут одиночества, то их сопровождают либо те, кому посчастливилось меньше и кто не обзавелся собственным экипажем, либо дамы, уже вышедшие из моды и растерявшие былую элегантность, но к которым можно безбоязненно обращаться, если захочешь разузнать какие-то подробности об их спутниках.

Но с Маргаритой было иначе. Она приезжала на Елисейские Поля всегда одна в своей карете и старалась не привлекать к себе внимания. Зимой она куталась в большую кашемировую шаль,

летом надевала самые простые наряды; и хотя во время прогулки ей навстречу попадалось множество знакомых и лицо ее порой озаряла улыбка, только тот, кто хорошо ее знал, мог заметить: так умеют улыбаться лишь герцогини.

В отличие от товаров путь ее лежал не от Круглой площади к началу Елисейских Полей. Пара рысаков быстро уносила ее в Булонский лес. Там она выходила из кареты, прохаживалась в течение часа, снова садилась в экипаж, и лошади рысью везли ее домой.

Все события, свидетелем которых мне порой доводилось быть, прошли передо мной, и я сожалел о смерти этой девушки, как сожалеют о гибели некоего прекрасного произведения искусства.

Впрочем, трудно представить себе более чарующую красоту, чем красота Маргариты.

Высокая и худая, возможно даже чересчур, она в совершенстве владела искусством скрывать это упущение природы умением носить одежду. Кашемировая шаль, концы которой касались земли, открывала широкие воланы ее шелкового платья, а пухлая, прижатая к груди муфта, в которой она прятала руки, была окружена столь искусно выложенными складками, что даже самый придирчивый глаз не мог бы упрекнуть очертания ее силуэта.

Ее маленькая головка, настоящее чудо, была предметом особого кокетства. Как сказал бы Мюссе, мать создала ее такой, приложив к этому немало стараний.

В овале неопишуемого изящества разместите черные глаза, над ними — брови столь совершенного изгиба, словно они нарисованы; окаймите глаза длинными ресницами, которые, опускаясь, отбрасывают тень на розовые щеки; начертите тонкий прямой носик, исполненный какой-то особой духовности, со слегка трепещущими ноздрями, вдыхающими жаркий воздух чувственных наслаждений; нарисуйте рот правильной формы с приоткрытыми губами, открывающими молочно-белые зубы; добавьте коже ту бархатистость, которая бывает у персика, до которого еще никто не дотрагивался, — и вот перед вами это очаровательное лицо.

Черные как смоль волосы, вьющиеся то ли от природы, то ли искусственно, были расчесаны на прямой пробор и плавно спускались на лоб двумя полукружиями, а затем уходили к затылку, оставляя открытыми мочки ушей, в которых сверкало по бриллианту стоимостью по четыре или пять тысяч франков каждый.

Каким же образом эта напоенная жаром жизнь сохранила на лице Маргариты столь целомудренное, почти детское выражение? Приходится констатировать сей факт, ибо пониманию это не поддается.

У Маргариты хранился ее собственный портрет работы Видаля¹, единственного, кто смог воссоздать ее облик с помощью карандаша. В течение нескольких дней после ее смерти этот порт-

¹ *Видадь Венсан* (1811–1887) — французский художник.

рет находился у меня, и сходство было столь поразительным, что помогло восстановить детали, которых не удержала моя память.

О многих подробностях, упомянутых в этой главе, я узнал позже; но пишу о них сейчас, чтобы к ним не возвращаться, когда приступлю к рассказу об одной истории из жизни этой женщины.

Маргарита посещала все премьеры и каждый вечер проводила либо в театре, либо на балах. Всякий раз, когда представляли новую пьесу, можно было не сомневаться, что она появится среди зрителей и при ней непременно будут три вещи, с которыми она никогда не расставалась, они лежали на барьере ее ложи бенуара: лорнетка, мешочек со сладостями и букет камелий.

Двадцать пять дней месяца камелии были белые, а пять дней — красные; причина этой перемены цвета так и осталась неизвестной, я сообщаю о ней, но объяснить не могу, но завсегдатаи театров, где она бывала чаще всего, и ее друзья также заметили это.

Других цветов, кроме камелий, Маргарита не признавала. В конце концов владелица цветочного магазина, мадам Баржон, дала ей прозвище Дама с камелиями, которое закрепилось за ней.

К тому же мне, как и всем тем, кто принадлежал к определенным парижским кругам, было известно, что Маргарита была любовницей самых элегантных молодых людей и заявляла об этом во всеуслышание, да и сами они этим похвалялись: вот доказательство, что обе стороны остались довольны.

Однако ходили слухи, что уже года три, после поездки в Баньер¹, она жила только со старым герцогом-иностранцем, невероятным богачом, который старался, насколько возможно, заставить ее порвать с прошлой жизнью, с чем, впрочем, она легко и охотно согласилась.

Вот что рассказали мне по этому поводу.

Весной 1842 года Маргарита была так слаба, так плохо выглядела, что врачи предписали ей поехать на воды, и она отправилась в Баньер.

Там среди пациентов находилась дочь этого герцога, которая не только страдала той же болезнью, что и Маргарита, но была похожа на нее как две капли воды, так что их можно было принять за сестер. Разве что юная герцогиня была на последней стадии чахотки и скончалась через несколько дней после приезда Маргариты.

Как-то утром герцог, задержавшийся в Баньере — так остаются там, где остается часть сердца, — увидел Маргариту на повороте аллеи.

Ему показалось, что перед ним мелькнула тень дочери, он подошел к Маргарите, взял за руку, обнял ее и в слезах, даже не спрашивая, кто она такая, вымолил разрешение видеть ее и любить в ней живой образ покойной дочери.

Маргариту в Баньере сопровождала лишь горничная, и, поскольку больная не боялась себя скомпрометировать, она пошла навстречу герцогу.

¹ *Баньер-де-Люшон* — курортный поселок во Франции, знаменитый геотермальными лечебными источниками.

В Баньере были люди, знавшие ее, они официально уведомили герцога о подлинном положении мадемуазель Готье. Для старика это явилось настоящим ударом, ибо здесь сходство с его дочерью кончалось, но было слишком поздно. Общение с юной женщиной стало его душевной потребностью, единственным предлогом и оправданием его нынешнего существования.

Он не стал ни в чем ее упрекать, у него и не было на то прав, но спросил, чувствует ли она в себе силы изменить свою жизнь, предлагая взамен этой жертвы любое вознаграждение, какое она пожелает. Она дала слово.

Нужно заметить, что в то время Маргарита, натура увлекающаяся, была больна. Прошрое казалось ей одной из основных причин ее болезни, и своего рода суеверие давало надежду, что Господь сохранит красоту и здоровье в обмен на раскаяние и обращение.

И в самом деле, воды, прогулки, размеренный режим и сон почти поставили ее на ноги к концу лета.

Герцог последовал за Маргаритой в Париж и постоянно стал навещать ее, как в Баньере.

Эта связь, ни происхождения, ни истинной причины которой никто не знал, вызвала настоящую сенсацию, поскольку герцог, известный своим несметным богатством, внезапно стал расточителем.

Сближение старого герцога и молодой женщины приписали либертинажу, присущему богатым

старцам, выдвигались всевозможные предположения, за исключением подлинного.

Однако чувство герцога к Маргарите имело столь целомудренную причину, что все иные отношения, кроме сердечной близости с ней, казались ему кровосмешением, и ни разу он не произнес такого слова, которое покорило бы его дочь.

Мы весьма далеки от мысли нарисовать нашу героиню иной, чем она была на самом деле. Скажем так: когда она находилась в Баньере, ей нетрудно было держать данное герцогу слово, и она не нарушала обещания; но по возвращении в Париж этой девушке, привыкшей к беспутной жизни, балам, даже к оргиям, стало казаться, что она умрет от тоскливого одиночества, нарушаемого лишь регулярными визитами герцога; обжигающие дуновения ее прежней жизни горячили ей одновременно и разум, и сердце.

Добавим к этому, что Маргарита вернулась из путешествия похорошевшей, что ей было двадцать лет, а затаившаяся, но не побежденная болезнь по-прежнему вызывала в ней лихорадочные желания, которые, как правило, являются следствием легочных заболеваний.

Поэтому герцог испытал сильную душевную боль, когда его друзья, постоянно поджидавшие, что молодая женщина, общением с которой, как они уверяли, тот компрометирует себя, учинит какой-то скандал, оповестили его, представив доказательства, что в свободные от его посещений часы она принимает визитеров и визиты эти зачастую заканчиваются лишь на следующий день.

Когда герцог начал расспрашивать Маргариту, она во всем созналась и без какого-либо тайного умысла посоветовала ему перестать ею заниматься, ибо не чувствовала в себе сил выполнять данные ему обещания и больше не желала принимать благодеяния от человека, которого обманывала.

Целую неделю герцог не показывался на людях, а что еще ему оставалось? И наконец на восьмой день он пришел умолять Маргариту видеться с ним, обещая принимать ее такой, какая она есть и будет, лишь бы видеть ее, и поклялся, что даже под страхом смерти он никогда не упрекнет ее.

Вот так разворачивались события через три месяца после возвращения Маргариты, иначе говоря, в ноябре-декабре 1842 года.

Глава III

Шестнадцатого в час дня я отправился на улицу д'Антэн.

Уже от входной двери были слышны крики аукционистов.

В квартире было полно любопытных.

Здесь собрались все знаменитые жрицы элегантного порока, за ними исподтишка наблюдали некоторые светские дамы, снова пришедшие сюда под предлогом распродажи, чтобы разглядеть поближе женщин, с которыми у них никогда не было бы возможности встретиться и которым, вероятно, в глубине души они завидовали из-за доступных тем удовольствий.

Госпожа герцогиня де Ф. сидела бок о бок с мадемуазель А., разделившей грустную участь нынешних куртизанок и прошедшей через весьма нелегкие для современных куртизанок испытания; госпожа маркиза де Т. раздумывала, купить ли ей этот предмет обстановки, на который увеличивала ставку мадам Д., самая элегантная и самая знаменитая в наше время супруга-прелюбодейка; герцог И., о котором в Мадриде ходили слухи, что он разорился в Париже, а в Париже

утверждали, что он разорен в Мадриде, но при этом ему не удается потратить годового дохода, беседовал с мадам М., одной из самых остроумных рассказчиц, которая время от времени снисходит до того, чтобы изложить рассказанное на бумаге и поставить под написанным свое имя, обменивался украдкой взглядами с мадам Н., красоткой, имеющей обыкновение прогуливаться по Елисейским Полям, одетой либо во все розовое, либо во все голубое, за ней всегда следует экипаж, запряженный двумя большими черными рысаками, за которых Тони запросил десять тысяч франков и... получил от нее эти деньги; и наконец, мадемуазель Р., благодаря своему единственному таланту сумевшая получить вдвое больше того, чего светские дамы добиваются с помощью своего приданого, и втрое больше того, что остальным приносят занятия любовью; несмотря на холодную погоду, она пришла сюда сделать кое-какие покупки и не могла пожаловаться на отсутствие обращенных на нее взглядов.

Мы могли бы назвать инициалы многих собравшихся в этой гостиной, впрочем весьма удивленных тому, что встретили друг друга, но боимся утомить читателя. Скажем только, что все были безумно радостно настроены и что многие из присутствовавших женщин были знакомы с покойной, но, казалось, прочно об этом забыли.

Звучал громкий смех; аукционисты кричали во все горло; торговцы, заполнившие передние скамейки, напрасно старались восстановить тишину,

чтобы спокойно вести свои сделки. Такого пестрого и шумного собрания здесь отродясь еще не бывало.

Я робко проскользнул в гущу этого удручающего хаоса, когда внезапно осознал, что все это происходит рядом с той комнатой, где испустила дух бедняжка, мебель которой сейчас распродала, чтобы покрыть ее долги. Поскольку я пришел сюда скорее глядеть, чем покупать, я рассматривал лица устроивших торги кредиторов, которые расплывались в улыбке всякий раз, когда какой-то лот достигал неожиданно высокой цены.

Порядочные люди, построившие свои расчеты на том, что эта женщина занималась проституцией, заработавшие на ней стопроцентную прибыль, омрачавшие векселями последние минуты ее жизни, теперь, после ее кончины, явились сюда пожинать плоды своих достойных расчетов и одновременно получить проценты за свой постыдный кредит.

Как правы были древние, утверждавшие, что у торгашей и воров один и тот же бог!

Платья, кашемир, драгоценности шли с молотка с неслыханной быстротой. Мне ничего из этого не было нужно, и я ждал.

Внезапно я услышал выкрик:

— Один том в прекрасном переплете с золотым обрезом под названием «Манон Леско»¹. На первой странице надпись. Десять франков.

¹ Роман аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731). Образ Манон, безгрешной развратницы, бескорыстной любительницы роскоши, скромной искусительницы, ставшей предметом сердечного увлечения благородного юноши,